

УДК 902

**КАМЕННЫЙ РЕЛЬЕФ XIV В. ИЗ С. КУБАЧИ С ФРИЗОВОЙ КОМПОЗИЦИЕЙ
ТРЕХ МУЖСКИХ СОСТЯЗАНИЙ:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТОВ**

М.М. Маммаев
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

misrixan37@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается семантика фризовой композиции трех мужских состязаний, воспроизведенной на каменном рельефе XIV в. из с. Кубачи. Приводится история его изучения, анализируются точки зрения исследователей на ее интерпретацию.

Annotation: In the article it is considered a semantic of frieze composition of three male competitions reproduced on a stone relief from Kubachi village dated XIV century. The history of it's studying is shown, there are analyzing points of view of researches to it's interpretation.

Ключевые слова: Кубачи, каменный рельеф XIV в., фризовая композиция, интерпретация сюжетов, праздник «Наадам», эпос «Джангар».

Key words: Kubachi, stone relief of XIV century, frieze composition, interpretation of plots, «Naadam» holiday, «Janghar» epic poem.

Среди многочисленных средневековых каменных рельефов – деталей архитектурного декора из с. Кубачи особое внимание ряда исследователей привлекает рельеф середины XIV в. эрмитажного собрания, на котором представлена фризовая композиция с тремя сюжетами: состязание двух конных всадников, единоборство и стрельба конного лучника в мишень на скаку, полуобернувшись назад (Рис. 1). Сюжеты этой фризовой композиции рассмотрены и мной в монографии «Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление» (Маммаев М.М., 1989. С. 95–97). Снова обратиться к вопросу об их интерпретации побудила «новая» версия этих сюжетов З.В. Доде, помещенная в монографии «Кубачинские рельефы: новый взгляд на древние камни», в которой автор подробно анализирует их (Доде З.В., 2010. С. 66–71), а сам рельеф относит к «монгольскому циклу кубачинских рельефов». З.В. Доде дает изображениям на каменном рельефе из с. Кубачи монгольскую атрибуцию, а сюжеты рельефа рассматривает, как «сцены монгольского праздника Наадам» (Доде З.В., 2010. С. 66, 69).

Кубачинский рельеф с названными изображениями изготовлен из глинистого сланца. Его длина 135 см, высота 33 см. Он имеет значительные повреждения и сохранился в трех обломках (частях). Линии вертикальных изломов проходят по боковым краям воспроизведенных сюжетов. Изображения, представленные на рельефе, были заключены в рамку, которая имеет повреждения во многих местах. В правом конце рельефа часть рамки не сохранилась, возможно, она была специально отбита позднее, чтобы лучше подогнать рельеф в кладку стены, как это делалось со многими рельефами при их вторичном использовании. Нижний правый угол левой части рельефа с изображением состязания конных всадников не сохранился. Фон всех изображений ровный, гладкий, рельеф высокий.

В левой части рельефа помещено изображение двух конных всадников, скачущих навстречу друг другу. Оно повреждено – отбиты, вероятно, преднамеренно, изображения

лиц всадников, их рук и предметов, находившихся в них, а также конечности и детали морд лошадей.

Всадники изображены одетыми в длинные кафтаны, их талии стянуты широкими поясами (кушаками). Ноги, обутые в сапоги, вдеты в стремяна. Кафтан у правого всадника по низу отделан рельефным растительным орнаментом в виде выюнка простой схемы композиции. Каждый всадник держит в руке предмет с длинной рукоятью, которые выставлены вперед под углом, концы их доходят до верхнего края рамки рельефа. Определить назначение предметов трудно, так как изображения их плохо сохранились. Одна рука каждого всадника отведена назад, они плетью подгоняют лошадей. Поводные ремни их накинута, по-видимому, на передние луки седел. Хорошо видны нагрудные ремни упряжи коней, от которых отходят подвески в виде рельефных элементов орнамента – у коня левого всадника – в виде опрокинутого трилистника, у коня правого всадника – полутрилистника. На изображении показаны также выступающие под всадниками части орнаментированных чепраков и крылья седел. Четко отмечены и подхвостные ремни, от которых свисают вниз, на бедра лошадей, какие-то предметы (металлические бляшки?). Гривы у лошадей разные; хвост лошади правого всадника показан завязанным в узел, у лошади левого всадника изображение хвоста отбито.

Фигуры всадников развернуты вполборота к зрителю. Определить, какие именно состязания или соревнования запечатлел резчик по камню на данной части рельефа, трудно. Но существуют различные точки зрения на содержание этого сюжета.

В центре фризовой композиции высечено изображение единоборства двух мужчин, головы которых местами отбиты. Борцы одеты в длинные кафтаны с узкими рукавами. Талии их стянуты поясами, вероятно, кушаками. По низу кафтанов нанесены орнаментальные элементы в виде трилистников с некоторыми различиями между ними. На ногах у борцов изображены сапоги. Борцы схватили друг друга выше поясов, тела их слегка наклонены вперед, видимо, показан начальный момент схватки. Изображение борцов заключено в фигурную рамку со стрельчатой верхом с фестончатыми краями.

С правой стороны стрельчатого верха арки изображен рельефный выступ шаровидной формы, его назначение не определено.

На правой стороне кубачинского рельефа изображен конный лучник, стреляющий в цель на скаку, полуобернувшись назад. На изображении лучник натянул тетиву лука левой рукой, вероятно, по-другому показать его в отведенном для этой композиции месте было невозможно. Изображение головы мужчины частично отбито. Голова всадника и часть лука с тетивой пересекают рамку рельефа. Конец стрелы у тетивы лука имеет фигурное оформление, вероятно, изображена стрела особого типа, предназначенная для стрельбы в мишень. Одна из таких стрел, пробившая верх флажка-мишени, изображена в левом конце правой части композиции. Другая стрела, вернее ее часть, изображена в средней части флажка, возможно, она показана пролетающей мимо цели. Можно предположить, что по правилам этого состязания нужно было пронзить стрелой три треугольных выступа полотнища специально изготовленного флага.

Ноги всадника, обутые в сапоги, показаны вставленными в стремяна. Справа, от пояса лучника свисает колчан. Лошадь показана скачущей, но в ее движении нет ярко выраженного динамизма, стремительности и экспрессии.

Поводной ремень лошади, видимо, надет на левую руку стрелка. Нагрудной ремень лошади, как у лошадей, изображенных в левой части рельефа, не отмечен. Рельефно изображен подхвостный ремень лошади лучника со свисающим на бедро животного каким-то предметом. Из-под всадника выступают детали чепрака. Изображения хвоста и задней правой конечности лошади отбиты (или отслоились). Хвост был, вероятно, показан завязанным.

В левой стороне композиции изображены вертикально поставленный флаг с трехзубчатым полотнищем, ниже флага – круглый щит, колчан и налучье, вероятно, призы победителю.

Таким образом, на рассматриваемом рельефе изображены три относительно самостоятельных, и в то же время взаимосвязанных между собой сюжета – состязание конных всадников, единоборство и стрельба из лука в цель со скачущей лошади. Это разные виды состязаний, которые проводились в Зирихгеране–Кубачи в средневековые членами дружины «батирте» (См.: *Маммаев М.М.*, 1989. С. 95–97).

Описанный рельеф привлек внимание еще в середине XIX в. академика Б.А. Дорна во время посещения им в 1861 г. с. Кубачи. Графические зарисовки изображений, представленных на этом рельефе, были выполнены архитектором Е. Гиппиусом в с. Кубачи во время его поездки в это селение вместе с акад. Б.А. Дорном в 1861 г. В 1895 г. они были опубликованы в «Атласе к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря». Все три сюжета фриза – состязания двух конных всадников, борьба двух мужчин и стрельба из лука в цель со скачущей лошади – нарисованы отдельно (Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу..., 1895. Табл. XIV. Рис. 20, 24, 25). Возможно, еще тогда рельеф был поврежден и его две составные части – одна со сценой состязаний двух конных всадников, другая с изображением борцов и конного всадника, стреляющего из лука в цель – находились в разных местах кладки стены здания.

Академик И.А. Орбели в статье «Албанские рельефы и бронзовые котлы», опубликованной в 1938 г., писал о рельефе с фризовой композицией трех мужских состязаний: «Из камней фриза особенно для нас интересны плиты, изображающие сцены из жизни феодалов (Табл. LIII, 1,2). Здесь и турнир, сцена стычки двух скачущих на конях витязей с простертыми вперед, руками, в которых они держат свои мечи, здесь, в особом обрамлении, борьба двух оголившихся до пояса, но сохранивших нижнее одеяние в виде как бы юбочек поверх широких шалвар, и сцена, изображающая момент из состязания в стрельбе в цель, представляющую собою двойной флажок. Одежания этих витязей переданы с подробностями: от формы сапог до рисунка и отделки тканей, из которых шиты кафтаны. Прекрасно переданы также и вооружение витязей и снаряжение их коней» (*Орбели И.А.*, 1963. С. 356–357).

По поводу определения И.А. Орбели изображений на рельефе как сцен из жизни феодалов необходимо отметить, что в средние века в Зирихгеране–Кубачи феодальные отношения не сложились. Не было и феодальных правителей. Зирихгеран–Кубачи представлял собой независимую самоуправляющуюся горскую сельскую общину, так называемое «вольное общество», своего рода микрогосударство (См.: *Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 179, 198; *Маммаев М.М.*, 2005. С. 80). Борцы, воспроизведенные на рельефе, показаны одетыми в кафтаны, а не оголенными до пояса, как пишет И.А. Орбели.

В 1943 г. кубачинский рельеф с фризовой композицией трех сюжетов был опубликован без подробного описания в статье А. Салмони «Дагестанская скульптура» (*Salmony A.*, 1943. P. 157. Fig 6) со ссылкой на иллюстрации в книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» (*Башкиров А.С.*, 1931. Табл. 5, 12).

Проф. А.С. Башкиров в первом разделе своей книги «Искусство Дагестана: резные камни» дает описание трех сюжетов фриза:

- «1. Единоборство мужских фигур, помещенное в центре фриза.
2. Состязание двух всадников на конях с оружием в руках – в правой части фриза.
3. Стрельба конного лучника во флаг – в левой части фриза» (*Башкиров А.С.*, 1931. С.14–16. Рис. 1–2. Табл. 5–7).

Он подробно анализирует эти изображения и приводит им широкие аналогии, но не совсем верные и убедительные (*Башкиров А.С.*, 1931. С. 24–30). К примеру, в качестве аналогий сюжету с состязанием двух конных всадников на кубачинском рельефе исследователь привлекает изображение скачущих всадников, воспроизведенное на рельефах Дмитриевского собора XII в. в г. Владимире, а также изображение конных святых воинов, высеченное на средневековых киевских рельефах (*Башкиров А.С.*, 1931. С. 25–26). Однако рельефы скачущих всадников Дмитриевского собора отличаются от кубачинских и иконографически, и семантически: на них изображены «святые воины

(Федор, Тирон, Георгий и пр.). Некоторые из них скачут, размахивая мечом, другие держат меч на плече. Многие же не имеют оружия» (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 246–248. Рис.174–175). На двух рельефах скачущих всадников южного фасада Дмитриевского собора изображены князья Борис и Глеб (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 246–248). Но сцене с борцами на кубачинском рельефе автор верно приводит в качестве аналогии изображение борцов на тимпане XIV в. двухпроемного окна из с. Кубачи (*Башикиров А.С.*, 1931. Табл. 12–13), находившегося в то время в кладке стены западного фасада хуннала мечети (женской мечети) в нижнем квартале Кубачи, а ныне хранящемся в ДМИИ. В книге А.С.Башикирова представлены графические рисунки двух борцов и скачущих навстречу друг другу конных всадников, заимствованные из «Атласа» Б.А. Дорна (*Башикиров А.С.*, 1931. С. 14. Рис. 1. С. 15. Рис. 2).

Искусствовед Э.В. Кильчевская в книге «Декоративное искусство аула Кубачи» тоже рассматривала кубачинский рельеф с фризовой композицией трех сюжетов и другие рельефы с изображениями борцов, а также конных всадников, целящихся из лука в мишень, повернувшись вполоборота назад. Она отмечала, что «особенно любопытны сцены борьбы, конных состязаний и разнообразные жанровые мотивы, подобных которым мы не знаем в культуре других народов Кавказа и стран Переднего Востока. Они отражают характерные черты исключительно кубачинской художественной культуры и быта. Интересны рельеф с изображением стреляющего в мишень лучника, ... камень с двумя скачущими всадниками ... и часто встречающееся рельефное изображение всадника, который повернулся вполоборота назад и целится из лука...» (*Кильчевская Э.В.*, 1962. С. 26. Табл. III, 1–3).

В монографии «От изобразительности к орнаменту» Э.В. Кильчевская подробно разбирала сюжеты фризовой композиции с изображением состязаний. Рельеф автор неверно датирует X–XII вв. (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 63–65. Рис. 27–28). Рассматривая этот рельеф, она пишет, что на нем «мы видим почти полное повторение традиционного решения сцен конных поединков в искусстве Сасанидов. Словно кубачинский ваятель, насмотревшись столь удивительных для того времени впечатляющих рельефов Накш-и Рустема, решил воспроизвести их у себя на родине» (*Кильчевская Э.В.*, 1968 С. 73). Закljučая, Э.В. Кильчевская еще раз подчеркивает: «Таким образом, сопоставляя эти ранние средневековые рельефы кубачинцев с конкретными памятниками монументальной пластики Сасанидов можно прийти к выводу, что кубачинские мастера видели не только их серебряные и бронзовые блюда, но и наскальные рельефы древнего Фарса, и, в частности, Накш-и Рустема» (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 75).

По поводу этих наблюдений Э.В. Кильчевской я уже отмечал, что для подобных выводов нет достаточных оснований хотя бы потому, что хронологически кубачинские и сасанидские рельефы разделяют сотни лет. Кроме того, эти памятники различаются не только иконографически, хотя отдельные детали изобразительных форм имеют близкие трактовки, что однако, не может служить показателем непосредственной связи «наскальных рельефов древнего Фарса» и кубачинских рельефов. Нет смыслового единства. Чисто внешние и случайные совпадения без всестороннего учета иконографических особенностей исследуемого сюжета с присущим им образным строем и без учета семантики не могут служить достоверной аналогией.

Если на разбираемом кубачинском рельефе показаны обычные сцены состязаний всадников, реально бытовавших в Кубачи в эпоху средневековья, в XIV в. н.э., то на раннесасанидских скальных рельефах III–IV вв. н.э. изображены портреты шахиншахов и сцены инвеституры, боя, триумфа, охоты (*Луконин В.Г.*, 1969. С. 185–188). Воспроизводимый Э.В. Кильчевской наскальный рельеф из Накш-и Рустема со сценой инвеституры (*Кильчевская Э.В.*, 1968. С. 75. Рис. 33) не сопоставим ни с каким кубачинским рельефом ни композиционно, ни сюжетно и ни по заключенной в нем символике (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 96).

Не сопоставим с кубачинским и другой рельеф IV в. из Накш-и Рустема, на котором изображена сцена боя – Хормизд II в царском одеянии на скачущем коне сбрасывает

копьем с коня Карена, облаченного в боевые доспехи (Луконин В.Г., 1969. С. 195. Рис. 18). Случайное и отдаленное внешнее сходство изображений на этом рельефе (особенно Хормизда) со скачущими навстречу друг другу всадниками на кубачинском рельефе не могут служить основанием для того, чтобы возводить средневековые кубачинские рельефы к сасанидским скальным рельефам и говорить о «непосредственном» знакомстве кубачинцев с памятниками монументального изобразительного искусства сасанидской Персии» (Кильчевская Э.В., 1968. С. 75).

Этнограф М.А. Дибиров в своей работе «Народные игры и спорт в Дагестане» привлекает изображения фризовой композиции кубачинского рельефа в качестве иллюстративного материала, показывающего развитие в эпоху средневековья в горных селениях Дагестана конноспортивных состязаний, единоборств и стрельбы со скачущей лошади по цели, стоя в стремени и обернувшись назад (Дибиров М.А., 1968. С. 45–66, 108–116). В этой работе имеются интересные и ценные сведения о популярных у горцев Дагестана конноспортивных соревнованиях и о роли и месте в системе физического воспитания дагестанской молодежи такого чрезвычайно популярного вида спорта, как борьба, а также стрельба из лука или арбалета, а позднее – из ружья или пистолета в цель (Дибиров М.А., 1968. С. 59–66, 108–116).

Указанные виды спортивных состязаний и физической подготовки молодых мужчин описаны с привлечением сюжетов кубачинского каменного рельефа с фризовой композицией трех мужских состязаний, а также полевых этнографических материалов и литературных данных и в другой работе М.А. Дибирова «Дагестанская народная физическая культура: опыт историко-этнографического исследования» (Дибиров М.А., 1975. С. 50, 53, 56–58, 76, 86, 94). В этой работе он отмечает, что «стрельба в цель, скачки, борьба... пользовались в народной среде популярностью и являлись обязательным атрибутом всех народных праздников, торжеств, всевозможных сборов...» (Дибиров М.А., 1975. С. 94).

О значительной роли конноспортивных состязаний в общественной жизни кумыков, происходивших в торжественной обстановке, писала также этнограф С.Ш. Гаджиева (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 292).

Проф. Р.М. Магомедов, отмечая популярность конных состязаний и борьбы в Дагестане, писал: «в нашем народе жива любовь к коню, страсть к конным состязаниям, ... а увлечение борьбой в горском обществе было всеохватывающим» (Магомедов Р.М., 2005. С. 461, 463). Нет сомнений в том, что в средние века в с. Кубачи существовали в развитой форме конноспортивные состязания, борьба, стрельба в мишень со скачущей лошади и другие виды физической подготовки молодых людей, что, видимо, и обусловило их изображение на кубачинских рельефах.

Кубачинский рельеф с фризовой композицией трех спортивных состязаний опубликован также в книге-альбоме «Искусство Кубачи» (Л., 1976. С. 72–73. Илл. 31). Этот же рельеф воспроизведен и в каталоге выставки Государственного Эрмитажа «Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы». А.А. Иванов дал его краткое описание: «Этот один из знаменитых кубачинских рельефов привлек внимание академика Б. Дорна еще в 1861 г. во время его визита в селение. На рельефе изображены военно-спортивные состязания: слева – игра в мяч, о чем свидетельствуют длинные рукоятки ракеток (а не мечей, как иногда писалось) в руках всадников; в центре – борцы; справа – стрельба в цель. Внизу на круглом предмете лежат, возможно, призы – налечь и колчан. Интересно отметить, что костюмы персонажей совсем иные, чем у людей, изображенных на камнях с низким рельефом. Головы персонажей были отбиты в более позднее время. Где находился этот рельеф первоначально, определить не удастся» (Иванов А.А., 2008. С.122–123. Илл. 94). Это описание опубликовано на русском и татарском языках и в другом каталоге выставки, организованной Государственным Эрмитажем, Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль» (Иванов А.А., 2008а. С. 121. Илл. 80).

В монографии «Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление» мною рассмотрены сюжеты состязаний конных всадников, единоборства, стрельбы из лука в мишень со скачущей лошади, запечатленные на кубачинских каменных рельефах, приведены им аналогии среди сюжетов синхронных произведений искусства, а также значительно более раннего времени, чем кубачинские рельефы (Маммаев М.М., 1989. С.94–97).

Отмечено также, что сюжет единоборства нашел отражение и в широко известной лакской эпической песне «Парту Патима», посвященной героической борьбе дагестанских народов против полчищ среднеазиатского завоевателя Тимура:

«Подобные нартам, закованы в бронь,
Сошлись два героя, сошлись для борьбы,
.....
Сомкнули ряды и монголы, и горцы,
Решили: пусть встретятся единоборцы.
Монголы послали Тугая на сечу,
Ахмед, лакский юноша, вышел навстречу»
(Песни народов Дагестана. 1970. С. 288, 292).

На рельефе с фризовой композицией трех состязаний мужчин, на тимпане окна с борцами и персидской надписью и на другом рельефе эрмитажного собрания (инв. № ТП-154) воспроизведены сцены состязания двух молодых людей. Такие состязания в борьбе являлись, судя по данным, зафиксированным этнографом Е.М. Шиллингом, обязательными для членов особой организации (военной дружины) «батирте» (Шиллинг Е.М., 1949. С.177). В этой организации силовые занятия типа состязаний проводились ежедневно, кроме пятницы. По пятницам разрешалась только стрельба в цель. В остальные дни (летом), после 4 часов пополудни, молодые люди («батирте») выходили на сельскую площадь и устраивали борьбу, метание камней, мерялись силой. «Прошедшие такой искус юноши становились, с точки зрения кубачинцев, настоящими «богатырями», чубкунцами, могущими поддержать честь и славу своего организованного сообщества» (Шиллинг Е.М., 1949. С. 177).

С этими местными спортивными состязаниями, представляющими довольно «типические стороны жизни кубачинцев того времени» (Кильчевская Э.В., 1968. С. 67), связана также сцена с изображением двух конных всадников, запечатленная на рельефе с фризовой композицией трех состязаний мужчин.

Как отмечалось, скачки и конные состязания являлись популярными видами народного спорта в системе физического воспитания молодежи у кубачинцев, а также других народов Дагестана (Дибиров М.А., 1968. С. 45–59).

С военно-спортивными состязаниями, бытовавшими в Кубачи в эпоху средневековья связана и композиция, помещенная справа от борцов. Конный лучник, едущий направо, полуобернувшись назад и стоя в стременах, стреляет из лука назад в флаг. Подобный же сюжет конного лучника имеется и на фрагменте рельефа эрмитажного собрания (Баширов А.С., 1931. Табл., 15), с той лишь разницей, что на нем всадник показан едущим налево, а к поясу кроме колчана прикреплена еще длинная сабля.

Сюжеты трех мужских состязаний фризовой композиции кубачинского каменного рельефа подробно рассматривает и З.В. Доде в монографии «Кубачинские рельефы». Она пишет о «монгольской атрибуции памятника», а на этом рельефе и на других кубачинских рельефах с изображениями борцов, по ее мнению, изображены монголы (Доде З.В., 2010. С. 61, 69, 72, 145). Рельеф с фризовой композицией трех сюжетов она ошибочно называет «плинтом», т.е. плоской квадратной частью колонны. А тимпан окна с изображением борцов и с персидской надписью назван фронтоном.

В нашей совместной с А.А. Ивановым рецензии на монографию З.В. Доде мы указали на ошибки, допущенные ею при описании кубачинских рельефов с борцами и с фризовой композицией трех мужских состязаний (См.: Маммаев М.М., Иванов А.А., 2010. С. 77–78, 87).

Было отмечено, что З.В. Доде, прибегнув у методически неверному приему, подгоняет сюжеты кубачинских рельефов XIV в. – с фризовой композицией трех состязаний мужчин и единоборства на тимпане окна – под содержание монгольского и калмыцкого эпоса «Джангар» (сложившегося, в основном, к XV в.), в котором описывается монгольский праздник Наадам с конными скачками, борьбой и стрельбой из лука в мишень. В борцовских поединках, изображенных в центре фризовой композиции эрмитажного рельефа и на тимпане окна из ДМИИ, по мнению З.В. Доде, показаны характерные приемы национальной калмыцкой борьбы, описанные в эпосе «Джангар» (Доде З.В., 2010. С. 67–68).

О том, что борьба издавна была одним из самых популярных и распространенных видов спорта дагестанских горцев (о чем свидетельствуют представленные на нескольких кубачинских рельефах XIV в. изображения борцов, а также многочисленные этнографические данные), а позднее она стала подлинно национальным видом спорта Дагестана, славившегося своими выдающимися борцами, такими как Сали-Сулейман и Али Клыч, прозванный «львом Дагестана», пятикратный чемпион мира, непобедимый Али Алиев, а также мастера спорта международного класса, неоднократные чемпионы СССР, России, Европы, мира, олимпийские чемпионы, в том числе двукратные, З.В. Доде, видимо, не знает. Она убеждена в том, что на кубачинском рельефе воспроизведены монголы – персонажи монгольского праздника «Наадам», описанного в эпосе «Джангар».

На рельефе XIV в. из с. Кубачи не может быть запечатлена национальная калмыцкая борьба, так как калмыки, как народность, стали известны после переселения в XVII в. их предков – ойратов из Джунгарии и Западной Монголии в Западную Сибирь, а «со временем поселились в степях Северного Прикаспия вблизи р. Волги в пределах Русского государства, положив тем самым начало формированию нового монголоязычного народа – калмыков» (Калмыки. 2010. С. 34).

Осталось непонятным, по каким признакам и деталям или атрибутам З.В. Доде установлено, что на кубачинских рельефах изображены именно монголы. У персонажей, представленных на рельефах, нет ни так называемых «облачных воротников», ни запаха халатов слева направо, ни других признаков, по которым она определяет одежду как монгольскую, а исходя из формы одежды выделена этническая принадлежность представленных на рельефах персонажей как монголов.

Возникновение и становление эпоса «Джангар» проходило в Джунгарии, а его окончательное формирование относится к XV в. – «периоду образования сильного для того времени кочевого ойратского государства» (Джангар. Калмыцкий героический эпос. 1990. С. 387). Этот эпос бытовал в устной форме и дошел до наших дней благодаря талантливым народным певцам и сказителям – джангарчи. Письменно «Джангар» был зафиксирован в XIX в. Никаких данных, никаких материалов и никаких сведений о бытовании в средние века в с. Кубачи эпоса «Джангар» и о проживании там монголов, в том числе, сказителей-джангарчи, нет. Поэтому мнение З.В. Доде о том, что на кубачинских рельефах воспроизведены эпизоды монгольского праздника Наадам, описанного в эпосе «Джангар», о монгольской принадлежности кубачинских резных камней, об их монгольской атрибуции следует считать бездоказательным и ошибочным.

На книгу З.В. Доде «Кубачинские рельефы» рецензию написал и А.Дж. Магомедов (Магомедов А.Дж., 2010. С. 114–115). В этой связи хотел бы отметить, что А.Дж. Магомедов никогда не занимался изучением средневековых памятников искусства с. Кубачи – каменных рельефов – деталей архитектурного декора, надмогильных плит с узорно-эпиграфическими композициями, высокохудожественной отделки бронзовых котлов, произведений искусства резьбы по дереву, архитектуры. У него нет ни одного исследования, посвященного кубачинским средневековым резным камням.

Как видно из содержания рецензии, А.Дж. Магомедов целиком придерживается «нового взгляда» З.В. Доде на кубачинские резные камни, на ее новые «парадигмы исследования кубачинских резных камней». Он пишет об «оригинальных интерпретациях и сравнениях, выполненных (З.В. Доде. – Авт.) на широком историко-культурном

материале». По его мнению, «книга З.В. Доде – убедительный пример того, как важен широкий взгляд на исторический источник. Автор справедливо включает резные камни Кубачи с сюжетными композициями в круг памятников «мультикультурного», а не исламского искусства. Так автором снимаются «мнимые парадоксы» вытекающие из наблюдений предшественников» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115). К каким «оригинальным интерпретациям и сравнениям» прибегает З.В. Доде, уже писалось в нашей совместной с А.А. Ивановым рецензии на ее книгу. Как она «широко использует историко-культурный материал», отчетливо видно на рассмотренном выше примере интерпретации сюжетов кубачинского каменного рельефа с фризовой композицией трех состязаний мужчин и тимпана окна с борцами и персидской надписью.

Но одной из самых «оригинальных интерпретаций» З.В. Доде является ее толкование сцены охоты на одном из кубачинских рельефов XIV в. эрмитажного собрания. К каким методически ошибочным приемам прибегает она при анализе сюжета рельефа и насколько неубедительна ее версия о семантике сюжета, мы с А.А. Ивановым писали в рецензии на ее книгу (См.: Маммаев М.М., Иванов А.А., 2011. С. 90–92). Этот вопрос я рассматривал и в статье «Принадлежат ли средневековые кубачинские каменные рельефы монголам?» (Маммаев М.М., 2013. С. 78–80). З.В. Доде отвергает мнение других исследователей на семантику сюжета кубачинского каменного рельефа как сцены загонной охоты и пытается доказать, что на камне высечена сцена дрессировки владельцем Зирихгерана–Кубачи гепардов для ильхана. Толкование сюжета со сценой загонной охоты как сцены дрессировки владельцем Зирихгерана–Кубачи гепардов для ильхана, видимо, весьма импонирует А.Дж. Магомедову, так как оно, по его мнению, демонстрирует «широкий взгляд на исторический источник» и «... отражает не региональный, а имперский масштаб исторической ситуации, в который был вовлечен средневековый Зирихгеран–Кубачи» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115).

З.В. Доде в своей монографии приписывает монголам исключительную роль в развитии средневекового искусства с. Кубачи. Этой точки зрения придерживается и А.Дж. Магомедов, который пишет: «... на средневековое искусство Дагестана, наряду с арабо-мусульманским, **мощное влияние** (отмечено мной. – Авт.) оказал монгольский имперский стиль искусства» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115).

Мнение З.В. Доде о светском характере средневекового искусства с. Кубачи основано не только на том, что в искусстве этого населенного пункта представлены изобразительные сюжеты, но и на ее постулате об отмене монголами мусульманских запретов изображать живые существа. А.Дж. Магомедов же принимает это мнение за аксиому.

Наличие изобразительных сюжетов в средневековом искусстве с. Кубачи – изображений людей, реальных и фантастических животных и птиц не служит доказательством того, что искусство XIII–XV вв. этого населенного пункта можно считать в целом светским, а не мусульманским. На надгробии в виде каменного саркофага XIII в. из с. Калакорейш имеются изображения львов, птиц, арабская надпись, различные орнаментальные композиции (Маммаев М.М., 1989. С. 288–289. Рис. 177–179), а на дверном каменном тимпане 807 г. хиджры / 1404–05 г. с арабской надписью о строительстве в с. Кубачи медресе имеются профильные изображения львов на боковых выступах рельефа (Маммаев М.М., 2005. С. 115. Рис. 39). Тимпан первоначально находился над входом в здание медресе. Можно ли эти памятники резьбы по камню отнести к произведениям светского искусства, а не мусульманского на том основании, что на них представлены изобразительные сюжеты? Считаем, что нет.

Наличие изобразительных сюжетов (изображений людей, животных и птиц, фантастических существ) в рельефном скульптурном декоре средневековых грузинских храмов (Аладашвили Н.А., 1977. С. 217–234. Илл. 206–231) или же в фасадной каменной рельефной скульптуре владими́ро-суздальских храмов (Вагнер Г.К., 1969. С. 1–480. Илл.1, 3, 5, 10–14, 24, 107–118, 146–161 и др.; Вагнер Г.К., Воробьева Е.В., 1997. Табл.112, 114; Чернецов А.В., 1969. С. 207–215) не может служить основанием считать

искусство этих стран светским, а не христианским. А в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока изобразительное искусство никогда не исчезало полностью, несмотря на запреты в исламе изображать живые существа. Изобразительные сюжеты выполнялись на стенах дворцов и общественных зданий, на страницах рукописных книг помещались высокохудожественные миниатюры, изображениями людей, животных и птиц украшали ткани, ковры, разнообразные металлические и керамические сосуды (Веймарн Б.В., 1968. С. 61; 1974. С. 26–31).

По поводу мнения А.Дж. Магомедова о том, что З.В. Доде «снимаются «мнимые парадоксы», вытекающие из наблюдений предшественников, ... справедливо включив резные камни Кубачи с сюжетными композициями в круг памятников «мультикультурного», а не исламского искусства» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115) следует отметить, что вопрос о парадоксальности изображения кабана рядом с арабскими буквами (подражанием арабской надписи) ставился мной при описании оконного тимпана XIV в. с изображением сцены нападения льва на кабана и с арабской псевдонадписью на обрамляющем сверху тимпан полукруге (Маммаев М.М., 2005. С.175. Рис. 58. С. 179). Тимпан этот привлек внимание многих исследователей ввиду необычности представленного на нем изобразительного сюжета и рельефной арабской надписи (или псевдонадписи) (Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу... Табл. XVI,2; *Erckert R.*, 1887. S. 199; *Башикиров А.С.*, 1931. Табл. 71; *Орбели И.А.*, 1963. С. 356. С. 356. Табл. LV; *Кильчевская Э.В.*, 1962. С. 28–29. Табл. III, 7; 1968. Рис. 49; 1973. Илл.300; *Лавров Л.И.*, 1966. С. 127. Табл. XXIV. № 336-б; Искусство Кубачи. 1976. С.169. Илл. 124).

З.В. Доде приложила много усилий и старания, чтобы «опровергнуть» высказанное мной мнение о парадоксальности изображения кабана рядом с арабскими буквами (подражанием арабской надписи).

В моей книге «Зирихгеран–Кубачи» написано, что мастер-камнерез высек рядом с арабскими буквами (подражанием арабской надписи) изображение кабана (дикий свиньи), считавшегося по мусульманскому вероучению «нечистым животным», а употребление свинины в пищу мусульманином рассматривается как его осквернение.

А.Дж. Магомедов, который пишет о том, что в книге З.В. Доде «снимаются «мнимые парадоксы», вытекающие из наблюдений предшественников» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115), как видно, полностью согласен со следующим утверждением З.В. Доде: «монгольская атрибуция памятников снимает вопрос о «парадоксальности» изображений живых существ и, более того, нечистых животных, в системе мусульманских запретов, на что указывал М.М. Маммаев» (Доде З.В., 2010. С. 70; 2012. С. 337). Напомню еще раз, что понятие «атрибуция» означает определение (установление) автора, времени и места создания произведения искусства. По З.В. Доде, вслед за ней и по А.Дж. Магомедову выходит, что авторами, создателями средневековых кубачинских каменных рельефов, являются монголы, якобы обосновавшиеся, как считает З.В. Доде, в с. Кубачи и отменившие мусульманские запреты изображать живые существа. Это обстоятельство будто бы служит основанием для того, чтобы снять вопрос о «мнимых парадоксах», вытекающих из наблюдений» М.М. Маммаева.

В нашей совместной с А.А. Ивановым рецензии на книгу «Кубачинские рельефы» было указано на ошибочность мнения З.В. Доде о монгольской принадлежности средневековых кубачинских каменных рельефов, их монгольской атрибуции (Маммаев М.М., Иванов А.А., 2011. С. 77). Но она продолжает упорно настаивать на монгольской атрибуции рельефов (Доде З.В., 2012. С. 337). Монгольскую атрибуцию рельефов она рассматривает как «принципиально новое направление для исследования кубачинских памятников» (Доде З.В., 2012. С. 338), а по А.Дж. Магомедову это – «новое слово в науке» (Магомедов А.Дж., 2010. С. 115).

Следует также отметить, что книга З.В. Доде снабжена большим количеством иллюстраций, в том числе не имеющих непосредственного отношения к изучению средневековых кубачинских каменных рельефов, которые по количеству превышают

иллюстрации кубачинских резных камней. А.Дж. Магомедов высоко оценил иллюстративный материал, отметив: «Не может не порадовать читателя полиграфия, подача иллюстративного материала, научный аппарат книги. В книге интересны и содержание и форма» (*Магомедов А.Дж.*, 2010. С. 115). Но ценность исследования определяется не одной полиграфией, ее исполнением и не количеством помещенного в нем разного рода иллюстраций, не соответствующих содержанию, а научной достоверностью разработки темы.

А.Дж. Магомедов дает высокую оценку книги З.В. Доде. По нему выходит, что З.В. Доде на основе сравнительно небольшой группы средневековых каменных рельефов – деталей архитектурного декора из с. Кубачи определила их «монгольскую принадлежность» путем «монгольской атрибуции» и сказала «новое слово в науке» (*Магомедов А.Дж.*, 2010. С. 115), т.е. сделала «крупное научное открытие».

К числу такого рода «открытий» можно отнести и утверждения самого А.Дж. Магомедова о том, что «культурные импульсы... монгольского имперского искусства способствовали зарождению в Кубачи новых направлений искусства резьбы по камню, медного литья, монументальной архитектуры... На средневековое искусство Дагестана, наряду с арабо-мусульманским, мощное влияние оказал монгольский имперский стиль искусства» (*Магомедов А.Дж.*, 2010. С. 115). Необходимо отметить, что приведенные выше утверждения А.Дж. Магомедова о роли «монгольского имперского стиля искусства» в зарождении в Кубачи новых направлений искусства основаны не на данных, полученных им самим путем изучения средневековых памятников этого селения, а на выводах З.В. Доде.

Изложенное выше показывает, насколько необходимо давать верную и объективную оценку произведениям национального искусства, как важно при этом придерживаться строго научной методики их исследования и насколько обоснованными должны быть при этом выводы исследователя, когда он обращается к изучению художественной культуры создавшего ее народа.

ЛИТЕРАТУРА

Аладашвили Н.А. Монументальная скульптура Грузии: сюжетные рельефы V–XI веков. М.: Искусство, 1977. С. 217–234.

Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русского Археологического общества с предисл. В. Розена. СПб., 1895. – 9 с., 26 л. илл.

Баширов А.С. Искусство Дагестана: резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл.

Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII век. М.: Искусство, 1969. – 480 с.

Вагнер Г.К., Воробьева Е.В. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Древняя Русь: быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 186–202. Табл. 112–115.

Веймарн Б.В. Проблема изобразительности в искусстве феодального Востока // Искусство. 1968. С. 61.

Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М.: Искусство, 1974. – 188 с.

Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. – 414 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 387 с.

Декоративное искусство средневековой Армении. Альбом / Сост.: Н. Степанян, А. Чакмакчян. Л.: Аврора, 1971. – 169 с. (166 илл.).

Джангар. Калмыцкий героический эпос (на калмыцком и русском языках). М.: Главная редакция восточ. литературы, 1990. – 475 с. (Серия «Эпос народов СССР»).

Дибиров М.А. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 160 с.

Дибиров М.А. Дагестанская народная физическая культура: опыт историко-этнографического исследования. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 112с.

Доде З.В. Кубачинские рельефы: новый взгляд на древние камни // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. X. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: ГУП «Наследие», 2010. – 248 с.*

Доде З.В. Еще раз о рельефах из Кубачи // *Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии Донецкого национального университета. Том 11. Золотоордынское время. Сборник научных работ. Донецк, 2012. С. 323–340.*

Иванов А.А. Культура Кубачи // *Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. С. 116–126. Илл. 94. Эта статья (на русском и татарском языках) и кубачинский каменный рельеф с фризовой композицией трех мужских состязаний опубликованы еще в другом каталоге выставки: *От Китая до Европы искусство исламского мира. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский кремль». СПб.: Чистый лист, 2008. С. 114–123. Илл. 80.**

Искусство Кубачи. Альбом / Автор-сост. А.А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. – 208 с.

Калмыки / Отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. – 568 с. («Серия Народы и культуры»).

Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Гос. изд-во местной промышленности и художест. промысл. РСФСР, 1962. – 82 с. XVI табл.

Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточ. литературы, 1968. – 207 с.

Кильчевская Э.В. Искусство народов Северного Кавказа // *История искусства народов СССР: в 9 томах. Т. 2. Искусство IV–XIII веков. Под редакцией Н.А. Езерской и О.И. Сопочинского. М.: Изобразительное искусство, 1973. С. 299–304.*

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. Надписи X–XVII вв. М.: Наука. Главная редакция восточ. литературы, 1966. – 300 с.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. – 242 с.

Магомедов А.Дж. [Рецензия] // *Вестник ДНЦ РАН. 2010. № 39. С. 114–115. – Рец. на кн.: З.В. Доде Кубачинские рельефы: новый взгляд на древние камни // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. X. М.; Ставрополь, 2010. – 248 с.*

Магомедов Р.М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала: Юпитер, 2005. – 565 с.

Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 346 с.

Маммаев М.М. Зирихгеран–Кубачи: очерки по истории и культуре. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2005. – 250 с.

Маммаев М.М. Принадлежат ли средневековые кубачинские каменные рельефы монголам? // *Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2013. № 1(33). С. 72–90.*

Маммаев М.М., Иванов А.А. К проблеме атрибуции средневековых кубачинских каменных рельефов // *Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2011. № 2. С. 74–95.*

Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // *Орбели И.А. Избранные труды. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1963. – С. 347–361.*

Песни народов Дагестана. Вступл., составл. и примеч. Н. Капиевой. Л.: Советский писатель, 1970. С. 288, 292.

Чернецов А.В. Зооморфные мотивы в орнаменте [Древней Руси] // *Древняя Русь: быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 207–215.*

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 223 с.

Erckert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. S. 199.

Salmony A. Daghestan sculptures // *Ars islamica*. The research seminary in Islamic Art, institute of fine arts, University of Michigan. 1943. Vol. X. P. 153–163. Fig. 1–8.

ис. 1. Каменный рельеф – архитектурная деталь XIV в. из с. Кубачи
с фризовой композицией трех мужских состязаний. 33×135 см. ГЭ. Инв. № ТП-12, 118–119, а, б.

